

Если бы он остался на месте, его бы, вероятно, перекусили пополам.

Он, ещё не оправившись от шока, хотел встать, как вдруг услышал тихий вздох позади себя.

Тонкий голос произнёс:

— Саньмэй, иди к маме.

Цзи Саньмэй замер и медленно обернулся.

Птица гухуо с женским лицом сидела позади него, всего в полшаге. Её мутные глаза сузились, и из них вытекло что-то непонятное. Лицо, скрытое под густыми перьями, казалось, улыбалось, но в то же время пыталось перестроить свои черты.

Цзи Саньмэй не мог разглядеть её лицо и сделал шаг вперёд.

Тонкий женский голос, пропитанный горячей гнилью, коснулся его щеки:

— Мой мальчик, мой мальчик...

Цзи Саньмэй застыл.

Он понял, что женщина пела.

Её голос был тонким и сухим, но она старалась сохранить мягкость и нежность. Её взгляд, полный безумной любви, был направлен на Цзи Саньмэя. Неизвестно, была ли это материнская любовь или просто голод, или же и то, и другое.

Цзи Саньмэй осторожно спросил:

— Ты моя мать?

Перья начали опадать с тела монстра, превращаясь в изящную женскую фигуру. Однако в темноте Цзи Саньмэй не мог разглядеть её лицо, только чувствовал, что её взгляд был полон тепла и ободрения, словно красивые водоросли, в которые можно утонуть.

Голос Цзи Саньмэя дрогнул:

— Мама, ты любишь меня?

Женщина нежно раскрыла объятия, её пальцы всё ещё были испачканы гнилым мясом.

Цзи Саньмэй протянул руку и медленно пошёл к ней.

Даже когда её острые ногти пронзили его ладонь насквозь, он ничего не почувствовал, словно был погружён в сладкий сон.

На лице женщины была добрая улыбка, но через мгновение её черты исказились. Хриплые звуки вырывались из её рта, а суставы под кожей начали судорожно дёргаться.

Цзи Саньмэй поднял голову. В его левом глазу горел сложный узор из печатей.

Он спросил:

— Мама, ты любишь меня или мою плоть?

Дети привязываются не к матери, а к теплу, которое она даёт, а мать — это источник бесконечного тепла.

Эта Призрачная колесница, вероятно, подслушала его разговор с Шэнь Фаши и решила обмануть его, чтобы увести.

К сожалению, Цзи Саньмэй был глух к материнской любви.

Птица, пытавшаяся выдать себя за его мать, извивалась у его ног, стеная и крича. Кровь Цзи Саньмэя была вкусной, но ядовитой, и печать, наложенная на неё, бушевала в теле женщины.

Кровь продолжала сочиться из ладони Цзи Саньмэя, но он не обращал на это внимания, просто вытер руку об одежду.

Он сказал:

— Прости, моя мама никогда не звала меня Саньмэй.

Он задумался и добавил:

— ...И никогда не пела мне.

В памяти Цзи Саньмэя мать Цзян Цы была как красивая, но холодная фарфоровая статуэтка. До её самоубийства она считалась первой красавицей Биньци.

И по таланту, и по красоте она заслуживала этого титула.

Но она вышла замуж за его отца, Цзи Чандяня, человека, который, кроме внешности и происхождения, ничем не мог сравниться с ней. Отец был пьяницей, трусливым, чувствительным и равнодушным к мирским делам. Он тратил деньги без счёта, и его ум всегда был в тумане, оставляя матери разбираться с его долгами.

Даже в маленьком государстве Биньци, где его отец был правителем, дел было немало, и все они ложились на плечи матери.

Отец никогда не знал, что такое ответственность, а мать была слишком ответственна.

Именно поэтому Цзи Саньмэй с детства не понимал, что такое отец и мать.

Это были два непонятных слова, ничем не отличающиеся от «кошка» или «собака».

Мать никогда не пела ему, не кормила его. В детстве он просто тихо сидел за её столом, перебирая сложные документы и помогая ей сортировать бумаги. До сих пор он помнил запах ладана в её комнате, но не мог вспомнить ни одного её слова.

Когда Цзи Саньмэю было четыре года, мать родила его брата Цзи Лючэня прямо за столом, где она работала. В это время отец, получив от друзей бутылку дорогого вина, напился до бесчувствия.

...Что такое семья? Что такое объятия? Что такое тепло?

До рождения Цзи Лючэня эти вещи были для Цзи Саньмэя менее интересны, чем буквы на бумаге.

Поэтому Цзи Лючэнь был для него особенным. Этот маленький розовый комочек научил Цзи Саньмэя, что такое семья. Он помнил, как ухаживал за братом: менял пелёнки, кормил молоком, стирал одежду, шил одеяльца — всё это до сих пор было ясно запечатлено в его памяти.

Но Цзи Саньмэй не мог вспомнить, как Биньци было уничтожено Чжуинем. Казалось, в процессе перерождения этот фрагмент памяти был съеден каким-то монстром в качестве платы.

Он помнил только яркий свет, озаривший небо над Биньци, сжимающуюся сеть духовной энергии, крики заклинателей, окровавленные глаза отца и мать, стоящую на берегу реки Жу, которая бросила его в бурные воды.

Для Цзи Саньмэя мать всегда была как фарфоровая статуэтка — красивой, но холодной. Она была вытянута из печи при тысячах градусов, предпочитая превратиться в пепел, чем в пыль, и без сожалений оборвала все связи с миром.

Цзи Саньмэй никогда не ненавидел её. Он просто не хотел стать ею.

Но в жизни всё часто идёт наперекор желаниям, и это касается как его самого, так и этих Призрачных колесниц.

Призрачные колесницы, также известные как птицы гухуо, — это духи женщин, умерших во время беременности. Их любовь, раздуваясь в груди, превращается в ненависть, ревность и жажду захвата. Они любят чужих детей, но, заполучив их, съедают, и так по кругу. Все дети, которых они полюбили, в конце концов оказываются на их тарелке.

Цзи Саньмэй же, с детства лишённый родительской любви, научился не любить себя. Размышляя об этом, он с горечью признал, что всё больше становится похожим на мать.

Он покачал головой и с иронией вздохнул, собираясь отойти, как вдруг увидел, как женщина вновь обрела острые, как крючья, перья. Она наклонилась и клювом схватила крыло, в которое впиталась кровь Цзи Саньмэя, и не дав ей полностью проникнуть в её тело, оторвала его!

Цзи Саньмэй на мгновение замешкался, но тут же бросился бежать.

Птица, лишившаяся крыла, с яростью подняла свою длинную, как змея, шею и издала серию громких звуков, смысл которых был непонятен.

Цзи Саньмэй, не разбираясь в птичьем языке, понимал, что это не было чем-то хорошим.

Сначала он отказался звать на помощь, рассчитывая поймать ещё одну Призрачную колесницу и выяснить, почему они преследовали сына Сюй Тая, но теперь ситуация не позволяла ему быть оптимистичным.

В темноте он увидел вдалеке свет огненной косы — это был Ван Чуаньдэн. Рядом с ним, вероятно, был Чанъань, чьи руки превратились в ветви дерева, создавая защитную сеть вокруг потерявшего сознание управляющего и Сюй Тая. Было ясно, что им некогда прийти на помощь.

Поэтому Цзи Саньмэй без колебаний поднял голову и крикнул:

— Учитель!!

Он не заботился о том, что его крик мог выдать его местоположение. Он просто стоял на месте, не двигаясь, ожидая, когда появится Шэнь Фаши.

Если бы Цзи Саньмэя спросили, кому он больше всего доверял в жизни, кроме себя, это был бы только Шэнь Фаши.

После этого крика он замер на месте, закрыл глаза и начал считать.

<http://bllate.org/book/16281/1466188>